

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Юхан СМУУЛ:

ЧЕЛОВЕК
С ИСКРОЙ

В издательстве «Советский писатель» готовится к печати сборник публицистических произведений народного писателя Эстонской ССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Юхана Смуула. В сборник «Когда погода нелетная» войдут очерки, статьи, эссе. Размышления Ю. Смуула о главном режиссере театра «Ванемуйне», лауреате Государственной премии СССР, народном артисте СССР Каареле Ирде на русском языке публикуются впервые.

Мне всегда нравились — нет, «нравились» не то слово, — меня всегда волновали и притягивали люди с искрой. Под «искрой» я подразумеваю то, что вполне прилично рифмоплета делает поэтом, квалифицированного ремесленника — художником, то, что заставляет нас замереть перед скульптурой или картиной. Актер, лишенный искры, может сыграть большую роль так, что она станет мелкой и ничего не говорящей, зато актер с искрой и маленькую роль сделает значительной. Люди с искрой постигают часто совершенно неожиданно и неисповедимыми путями суть вещей и явлений; видят жизнь, людей и события в таком ракурсе, что заставляют ахнуть наш разум и нашу логику. «Средний» гражданин, неспособный увидеть в комическом трагическое, а в трагическом комическое, почти всегда считает человека с искрой в какой-то степени ненормальным, в лучшем случае смотрит на него, как на большого ребенка. Но логика ребенка иной раз потрясает, а его вопросы могут загнать в тупик даже умного человека. Вполне закономерно, что жизнь у людей с искрой беспокойная и трудная, они не умеют успокаиваться на достигнутом и, изнемогая, пробираются по едва заметным или только что пролагаемым тропкам, хотя до столбовой дороги рукой подать. Они достигают большего, чем другие. Их неудачи горше и ранят их больнее. Во всяком случае, жить без искры спокойнее, чем с искрой. Я не верю в бога, но верю в «божественное» в человеке, прежде всего в человеке с искрой.

Всю эту длинную и умную тираду я написал, размышляя о своем давнем — то другу, то недруге Каареле Ирде. Ирда — человек с искрой. И благодаря ему я знаю, как нелегко работать с такими людьми.

В 1947 году я писал либретто к опере Густава Эрнесакса «Берег бурь». Не помню уж, сколько я его переписывал, кажется, раз одиннадцать. В то время в кабинете Эрнесакса нередко можно было увидеть такую картину: Эрнесакс сидит за роялем и, глядя в ноты, поет голосом, с каким в мужской хор не попадешь. Я, держа в руках орущее в муках перерождения очередное либретто, сижу в одном углу. В другом углу, переплетя долговязые ноги, сидит Ирда с его идеями. Меня всегда пробирал мороз по коже, когда Ирда, подняв руку и ероша свою дикарскую шевелюру, произносил: «Чер-рт, ребята... Тут что-то не так... Белиберда какая-то. У меня идея...» Идеи он выдавал, как исправная лесопилка доски, часто они менялись с калейдоскопической скоростью и, случалось, противоречили одна другой. Несмотря на то, что я злился на Ирда, этот пулемет идей и планов (ведь мне приходилось эти идеи реализовать, а через неделю, может быть, и перереализовывать!), я стал его уважать. Он настолько вжился в нашу работу, что считал ее своей.

Сейчас часто задаются вопросом, что дал Каарел Ирда тартускому театру «Ванемуйне» и эстонскому театру вообще. Думаю, не больше и не меньше, как самого себя. Театру «Ванемуйне» он придал свое, ирдовское, лицо — свои беспокойство, поиск, страсть к эксперименту. Эстонскому театру... — это уже сложнее. Но вся послевоенная история эстонского театра и его сегодняшней день так тесно связаны с театром «Ванемуйне» и с именем Ирда, столько людей за пределами республики знают эстонский театр, и в первую очередь через «Ванемуйне» Ирда, что ответ на этот вопрос должна дать статья куда более обстоятельная, чем моя.

Большинство из нас в той или иной мере скупцы: мы бережем свои нервы, мы разумно расходим свою энергию и при этом еще следим, чтобы она не тратилась на других, а служила в первую очередь нам самим. Мы слишком рано начинаем бояться амортизации души и сердца — той, которую Маяковский назвал самой страшной из всех амортизаций. У эгоизма тысяча красивых масок. Мы сознаем, что все хорошее, сделанное нами, останется людям, но нередко задаемся вопросом: а сам-то я что от всего этого получу? Мы так благомысленны, что при мысли об этом становится холодно.

У Ирда может быть сто недостатков, но он никогда не был благомысленным. Человек, который восторгается, как ребенок, и может впасть в ярость, подобно тигрице, не бережет свои нервы и не думает об амортизации. Ирда таков. Человек, который столь расточительно обходится со своей энергией и боль-

шую ее часть расходует на других, такой человек далек от эгоистического благоразумия. Ирда такое благоразумие неведомо.

Бывает, сидишь с Ирдом. Он вслух размышляет о своей работе, о тысяче своих театральные забот, о планах, идеях. И все это перемежается фразами, которые любой художник оценит на вес золота: краткие убийственные характеристики людей, которых он терпеть не может; и в превосходной степени — о тех, кого он любит. Фейерверк мыслей. Но у меня уши-воршишки, как у всякого, кто работает со словом, и сколько раз мне хотелось сказать Ирде: «Послушай, мил-человек, лучшее из твоих рассказов я использую, и через год ты и сам не узнаешь, что вот эта фраза твоя и тот характер тоже. Будь благоразумен, оставь их себе — они ведь твои». Ирда вряд ли прислушался бы к этим словам. Да пока он и не обеднел. По-видимому, художник должен очень много отдавать, чтобы и ему самому что-нибудь осталось.

Как много приходится отдавать другим хорошему режиссеру! Я часто думаю об их работе и не могу отделаться от грустного ощущения. После посредственного и даже слабого писателя остаются книги, скульптуры будут долго жить своей каменной жизнью, хорошая песня пойдет в народ и проживет там десятилетия, очень долгой может быть и жизнь художественных полотен. А хорошая постановка? Пришла, пожила и исчезла. Работа постановщика — это нескончаемое начало сначала, война с рутинной плюсом война с живущим в зрители консервативным противостоянием новому слову, кажущимся ему поначалу чуждым, плюс смелость riskовать и драться за свою правду. Солидные люди защищают свои взгляды. Ирда же бросается в драку.

Мне очень приятно, что наконец-то он стал писать статьи. Мы, его друзья, долго его агитировали. Ирда не верил: «Чего? Я?! Статьи? Бредни! Не выйдет!» Вышло, да еще как! Хорошо читать, или если воспользоваться словами Марта Рауда: «Глазам становится тепло».

Странные вещи случаются на белом свете. В Эстонии случилось так, что в число самых читаемых и интересных газетчиков вышли два постановщика, два главных режиссера — Каарел Ирда и Вольдемар Пансо. В их статьях, эссе, книгах бьется живой человек — размышляет, сомневается, вопрошает, пытается ответить, сердится, смеется, иронизирует и очень многое видит.

Некогда Якоб Пярн написал для наших отцов и дедов повесть «В моем доме мой указ». Тоска по своему дому и своему указу живет в каждом человеке, даже в драматурге, особенно в начинающем драматурге. Он делает еще только первые шаги, и иногда ножницы между тем, что он хотел сказать и что сумел сказать, довольно велики. Не всегда произведения соответствуют заблаговременно и солидно провозглашенным творческим кредо. И в то же время почти всегда есть в этих пьесах что-нибудь новое, даже в тех случаях, когда они только ставят вопрос, а отвечать на него предоставляют самим зрителям. Именно они, чей драматургический почерк только начинает складываться, находят «свой дом» в театре «Ванемуйне», под сенью размахивающих рук и развевающихся пол Ирда. Ирда верит в молодежь, доверяет молодежи, и не здесь ли секрет того, почему его не коснулся застой, который в определенном возрасте — у одного раньше, у другого позже — подкрадывается к человеку и консервирует его? Очевидно, тут-то и кроется один из источников молодости Ирда, его великая заслуга перед завтрашним днем театра Советской Эстонии. Ибо если мы верим в завтрашний день, мы должны верить в молодежь.

Ирда — человек крайностей. Но не из тех, кто одной ногой стоит в прошлом, а другой приветствует будущее. Ирда — художник, человек громадной эрудиции, любит все хорошее, что создано отцами, и все новое и формирующееся, что создают сыновья, будущие отцы.

Я попытался рассказать о некоторых чертах, делающих Ирда личностью. Для меня он человек, который любит свою работу, делает ее талантливо, не может без нее жить и ходит под солнцем — ноги на земле, а голова в театре и в мировых проблемах.

Перевела с эстонского
В. РУБЕР.